

Общественно-политические процессы и социально-культурные коммуникации: теория и методология

С.С. Новосельский

«Смута» или «революция»? События 1905 г. в России в оценках представителей власти и консервативных течений общественной мысли

В статье дается анализ оценок представителей высшей бюрократии и ряда видных консервативных общественно-политических деятелей характера революционного кризиса, с которым Россия столкнулась в 1905 году. Особое внимание уделяется критериям определения современниками политического положения в стране как «смуты» или «революции», а также факторам и этапам трансформации революционного кризиса от одной из этих стадий к другой. На основании терминологического анализа раскрывается своеобразие политической рефлексии власти и общества, ставящее вопрос о правомерности общепринятых в историографии хронологических и типологических характеристик Первой русской революции.

Ключевые слова: Первая русская революция, 1905 год, общественно-политическая мысль, высшая бюрократия, консерватизм.

Необходимость комплексного анализа понимания и применения в рамках различных течений общественной мысли таких системообразующих понятий, как «революция», была констатирована в отечественной историографии сравнительно недавно¹. Данная проблема становится особенно актуальной, когда речь идет о событиях Первой русской революции, содержание которых по-разному оценивалось представителями властных элит и общественных сил, в том числе настроенных по отношению к самодержавию вполне лояльно. Анализ рефлексии современниками вопроса о том, с какого момента можно говорить о внутривнутриполитическом кризисе начала XX в. в России как о революции, попытки которого в российской исторической науке уже предпринимаются²,

позволяет точнее выявить характер социально-политических потрясений, предопределивших начавшуюся в 1905 г. трансформацию всей политической системы страны.

Если слово «революция» до 9 января 1905 г. и выходит из-под пера консерваторов, то лишь в качестве синонима революционному движению, но отнюдь не характеристики политического положения в стране³. Однако тревожные ожидания начинают проявляться на рубеже 1904–1905 гг. как в среде высшей бюрократии, так и в правомонархических кругах. По свидетельству А.В. Богданович, 20 декабря 1904 г. издатель «Нового времени» А.С. Суворин, будучи гостем салона ее супруга, утверждал, что ранее он «никогда не думал, что в России может быть революция, но теперь приходится думать, что она возможна; что он видел Витте, говорил с ним, и Витте сказал, что боится весны»⁴.

Эти опасения не замедлили оправдаться. Однако лишь отдельные публицисты консервативного толка открыто говорят о событиях 9 января 1905 г. в Петербурге как о начале революции. Так, Л.А. Тихомиров отметит на следующий день в дневнике: «В Петербурге форменная революция...»⁵ В течение января один из крупнейших теоретиков русского монархизма начала XX в. будет только укрепляться в своем убеждении⁶, однако уже к началу весны, когда потрясения, вызванные событиями «кровавого воскресенья», немного утихнут, изменится и взгляд Тихомирова: отныне революция рассматривается им лишь как перспектива (пусть и весьма вероятная), осуществление которой Тихомиров связывает с торжеством во власти конституционного проекта⁷. Качественную трансформацию возникшего на экономической почве недовольства рабочих в выплеснувшийся на улицы «политический бунт», «революцию» констатирует 12 января 1905 г. на страницах своего дневника известный публицист неославянофильского толка генерал А.А. Киреев⁸.

Вопрос определения своего отношения к происходящему в стране становится после «кровавого воскресенья» предельно актуальным и для власти. По общему мнению, выраженному 18 января 1905 г. в ходе совещания министров о разработке проекта манифеста, посвященного событиям 9 января, в стране разгорается не революция, а смута, начало которой, по утверждению Д.М. Сольского, положило убийство В.К. Плеве⁹. Примечательно, что из окончательной редакции манифеста само слово «смута» изымается – его заменяют «смущением», овладевшим рабочими¹⁰.

Однако вполне понятное желание власти не выносить оценок внутривластного кризиса в стране в публичное пространство

отнюдь не означало отсутствия в среде правящей элиты осознания серьезности положения и необходимости реагировать на него. Как уже отмечалось исследователями, в ходе заседаний Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. «слово “революция” по-видимому, никем ни разу не было произнесено»¹¹. Действительно, в среде высшей бюрократии этого слова пока стараются избегать. В то же время все участники заседаний, в том числе и Николай II, констатируют рост политической нестабильности в обществе¹², а П.Л. Лобко и вовсе выступает с заявлением о том, что «не преобразовательную цель имеют волнения – устранить самодержавие. Власть господствующих классов»¹³, де факто называя происходящее в стране революцией.

В то время как власть стремилась к максимально нейтральным формулировкам, представители консервативного направления общественной мысли, напротив, находились в поиске наиболее точного наименования «того гнетущего состояния, которому», по выражению князя А.А. Ширинского-Шихматова, «еще не придумано настоящего названия, но которое характеризуется общою смутуою»¹⁴. В данном случае обращает на себя внимание дефиниция, которую видный публицист консервативного толка Грингмут проводит между «смутой» и «крамолой». «Смута», согласно его определению, – это состояние умов, градус общественных настроений, термином же «крамола» редактор «Московских ведомостей» называет революционное движение, революционеров¹⁵. Именно поэтому только «искоренение крамолы», по словам Грингмута, приведет к «прекращению смуты»¹⁶. Любопытно, что грань между «крамолой» и «революцией» для Грингмута предельно тонка, а срок, когда усиление «крамолы» приведет к качественной трансформации внутриаполитического кризиса в России от «смуты» к «революции», весьма скоротечен. Так, уже во второй половине марта 1905 г., рассуждая о «легальных крамольниках» (т. е. некоторых членах правительства) и их «подпольных сообщниках» (революционерах), Грингмут будет именовать тех и других не иначе как «тайным и явным механизмом поднявшейся у нас революции»¹⁷.

Летом 1905 г. внутриаполитическое положение в России в целом продолжает характеризоваться представителями власти как «смута», хотя некоторые из них (в частности, В.Н. Коковцов, а позднее и Д.Ф. Трепов) в своих донесениях отмечают, что она приобретает все более широкий, «господствующий» характер¹⁸. Наряду с этим П.А. Столыпин, классифицируя крестьянские выступления и волнения земских врачей Балашовского уезда Саратовской губернии как «революционные проявления»¹⁹, одним из первых экстраполи-

рует эпитет «революционный» не только на нелегальные политические объединения, но и на события в губернии в целом.

Однако не все представители высшей бюрократии были в то время столь же осторожны в оценках политического положения в России. Так, А.Н. Куломзин в письме, адресованном 14 июля 1905 г. Э.Ю. Нольде, говорит о происходящем в стране как о «революции», в то же время констатируя всеобщую уверенность в том, «что она уляжется, как только соберется Дума»²⁰. Те же надежды в ответном письме Куломзину от 27 августа 1905 г. выражает и Нольде²¹.

Не разделявшие уверенности в успехе Думы в деле противодействия революционному движению консерваторы, предрекавшие победу крайних партий на грядущих парламентских выборах, всячески стремились донести до сочувствующих им представителей высшей бюрократии свои опасения. Так, например, Н.А. Бобринков 29 сентября 1905 г. пишет министру народного просвещения В.Г. Глазову, что «создание Думы будет началом нового периода смуты»²². Власть на подобные опасения реагировала спокойно. В частности министр внутренних дел А.Г. Булыгин парировал угрозы сторонников идеи ограничиться привлечением выборных в состав Государственного совета ввиду неизбежной «революционности» Думы утверждением о том, что крайние политические идеи «вообще не свойственны русскому национальному характеру»²³.

Следует отметить, что представление о том, что созыв Государственной думы станет толчком к росту революционного напряжения в стране, разделялось отнюдь не всеми консерваторами. Так, участник Петергофских совещаний А.А. Нарышкин, несмотря на провал отстаиваемого им и его сторонниками проекта народного представительства, напишет 23 августа 1905 г. в Москву Тихомирову: «Мы все так довольны... учреждением Государственной думы, что обо всем остальном и думать не хотим. Отныне все пойдет само собою, как по маслу. Конечно, немножко скучно, что в стране еще продолжается какая-то непонятная смута... Но, впрочем, — где наша не пропадала!»²⁴

И все же к середине 1905 г. обозначается некоторое ожесточение риторики правых, которые традиционно опережали как власть, так и прочих общественных деятелей в постановке политических диагнозов. Уже в середине июля 1905 г. Грингмут заметит на страницах «Московских ведомостей», что «революция у нас не только возможна, но уже и началась!»²⁵ Претерпевает изменения и его оценка событий конца 1904 г., которые начинают расцениваться организатором «Русской монархической партии» не иначе, как политическая революция, инициатором которой выступали предста-

вители масонских кругов²⁶. Отметим, однако, что подобные диагнозы снимаются правыми так же стремительно, как и выставляются. Так, в первой половине октября 1905 г. Грингмут вновь утверждает, что революция в России возможна лишь «при совершенно невероятных условиях», а именно – последовательных правительственных уступках революционному движению²⁷.

По мере развертывания всеобщей политической стачки предостережения высшей власти звучат все более грозно. «Все ближе и грознее надвигается на Россию кровавый призрак революции со всеми ее ужасами и бедствиями»²⁸, – отметит 9 октября 1905 г. во всеподданнейшей записке генерал-адъютант Н.В. Клейгельс. В то же время революционные события выступают предлогом для лоббирования отдельных политических проектов. И если начальник военной типографии Генерального штаба П. Закрецкий использует в качестве аргумента в пользу издания «государевой народной газеты» уже начавшуюся, по его мнению, революцию²⁹, то Киреев, будучи уверен, что «революция разъела весь наш организм»³⁰, стремится убедить Николая II в том, что в случае промедления власти с созывом Думы революция, в возможность которой не до конца верят в ближайшем окружении императора, обязательно начнется³¹.

Высшая власть накануне 17 октября 1905 г. еще не до конца разделяла опасений общества, и бюрократия, по крайней мере на страницах официальных документов, стремилась соответствовать этому взгляду Николая II. Так, С.Ю. Витте в своем всеподданнейшем докладе о мерах для прекращения железнодорожной забастовки, поданном императору 12 октября 1905 г., с известной осторожностью в формулировках определяет происходящее в стране как «смуту», составляющую «грозную часть общего революционного движения в России»³². Термин «революция» как будто нарочно избегается в официальных документах и распоряжениях³³. Заметим, однако, что тональность высказываний представителей бюрократии за пределами Царскосельского дворца была совсем иной. Иными были и термины, в которых они определяли между собой градус общественно-политической напряженности. Так, 21 сентября 1905 г. в ходе одного из «домашних совещаний» под председательством Сольского, на которых обсуждалась реформа Совета министров, Витте, настаивая на необходимости объединения деятельности министров для разработки совместной стратегии выхода из внутривластного кризиса, практически бьет в набат: «Враги правительства, – говорит он, – сплочены и организованы. Дело революции быстро продвигается. Мы находимся сегодня уже в том положении, в котором находилось французское правительство че-

рез год после созыва Генеральных штатов, и никакого плана, никакой твердости в отпоре революционного движения мы не имеем»³⁴. Пройдет немногим более месяца, и подобная риторика выйдет за пределы частных бесед чиновников и станет вполне привычной в рамках официального властного дискурса.

Слово «революция» по отношению к событиям 1905 г. впервые звучит в устах чиновников в качестве синонима революционного движения. Подобная логика, в частности, прослеживается в словах А.П. Игнатьева, произнесенных им 7 декабря 1905 г. в ходе царско-сельских совещаний: «Теперь революция набросилась на армию. Надо всеми мерами охранить ее от пропаганды»³⁵. Однако совсем скоро во власти начинают открыто говорить о том, что не только в ряде областей империи (в первую очередь в Сибири³⁶), но и во всей России происходит революция. Характеристика внутривластного кризиса в России в начале декабря 1905 г. в устах Витте вполне однозначна – революция, по его словам, затрагивает теперь не только «высшие классы», что было и раньше, но и широкие народные массы³⁷. По прогнозу председателя Совета министров на успокоение волнений правительству понадобится по крайней мере несколько месяцев³⁸. Примечательно, что Витте четко обозначает разницу между революцией, которую следует подавлять силой, и недовольством общественного мнения, реагировать на которое репрессивными методами власть ни в коем случае не должна³⁹.

В то же время в официальных правительственных документах, издававшихся в течение декабря 1905 г., слово «революция» по-прежнему является табуированным. В частности, в тексте правительственного сообщения от 9 декабря 1905 г., посвященного событиям в Москве, упоминаются «революционеры», «революционная, крайняя партия», однако акцент делается на необходимости «решительно воздействовать против лиц, дерзко попирающих интересы страны и поддерживающих в ней смуту, волнения и беспорядки»⁴⁰, но отнюдь не революцию.

Само собой разумеется, что события ноября – декабря 1905 г. уже однозначно классифицируются как революция в правых общественно-политических кругах. Так, Грингмут, не стараясь подбирать какие-либо синонимы, выносит данный термин в заглавие одной из своих статей в «Московских ведомостях»⁴¹. Примечательно, что в условиях обострения революционного кризиса единственным выходом все большему числу консерваторов видится скорейший созыв представительного учреждения, причем порой звучат голоса о выходе его компетенций за рамки положений, провозглашенных Манифестом 17 октября 1905 г.⁴²

Успехи правительственных войск в подавлении выступлений в Москве и на окраинах вселяли в среде представителей высшей бюрократии надежду на скорое завершение революции⁴³. К февралю 1906 г. само слово «революция» вновь исчезает из текстов как всеподданнейших докладов, так и меморий Совета министров. Для характеристики текущей внутривластной ситуации в них вновь используется словосочетание «революционные проявления»⁴⁴ (или «революционные покушения»⁴⁵). Преодоление наиболее острой фазы революционного кризиса конца 1905 г. вносит определенные коррективы и в оценки представителями власти прошедших событий. Так, министр внутренних дел П.Н. Дурново 21 января 1906 г. в одном из своих циркуляров слегка «отыгрывает назад», отмечая, что «разнузданность, допускавшаяся на митингах, привела нас *почти* (курсив мой. – С.Н.) к полной революции»⁴⁶. Следует отметить, что в ходе февральских совещаний об организации совместной работы Государственной думы и Государственного совета слово «революция» уже не употребляется ни разу. Законодательная работа вновь приобретает нормальный, планомерный, а не чрезвычайный характер, свойственный ей в июле и, в особенности, в декабре 1905 г. Было бы, однако, преувеличением утверждать, что во власти наступило абсолютное успокоение. Если, по мнению Витте, «революционное движение» к началу 1906 г. можно было считать подавленным, то возобновление «аграрных беспорядков» весной, при отсутствии своевременно принятых надлежащих мер противодействия, представлялось ему неизбежным⁴⁷.

Немного успокаивается и риторика правых. И хотя Грингмут в первой же своей статье, напечатанной в 1906 г., уверенно заявляет, что переход России к новой политической модификации будет непременно способствовать углублению политического кризиса, тем не менее даже он отныне не склонен считать этот кризис революционным, возвращаясь к более нейтральному определению – «политическая смута»⁴⁸. Революционная стадия внутривластного кризиса представляется к февралю 1906 г. преодоленной и Тихомирову, однако прошедшие события публицист уже тогда определяет не иначе как «великая русская революция»⁴⁹. Но не все представители консервативного фланга склонны разделять успокоенность власти. 26 декабря 1905 г. Киреев в письме царю предупреждает Николая II о том, что, несмотря на подавление московского вооруженного восстания, уровень поддержки революционеров в обществе еще достаточно высок, а само движение вполне может трансформироваться из прямого, вооруженного противостояния власти в иные, ненасильственные формы протеста⁵⁰.

Оценки современниками, видевшими свою основную задачу в преодолении революционного кризиса 1905 г., его содержания не только не совпадают, но подчас входят в прямое противоречие с историографической традицией изучения Первой русской революции. Собственно говоря, ни о какой революции, по утверждению большинства представителей высшей бюрократии и консервативных течений общественной мысли, до определенного момента не могло быть и речи. Даже называя отдельные события (в частности «кровавое воскресенье») «революцией», некоторые правые публицисты были склонны рассматривать их лишь как революционные вспышки, но не единый непрерывный процесс, тем самым солидаризируясь с властью, также долгое время полагавшей, что в общем состоянии политической нестабильности, «смуты» имеют место те или иные открытые «революционные проявления». До ноября 1905 г. о революции во властных кругах открыто не говорили (а с высоты престола и вовсе так и не было объявлено о том, что в России в 1905 г. произошла революция), что, безусловно, не означало постепенного увеличения числа представителей высшей бюрократии, у которых реальность революции не вызывала сомнений. Критической точкой становятся события ноября–декабря 1905 г., открытый «поход на власть», вызов, который был однозначно расценен властью и обществом как революция. Однако завершается эта революция столь же стремительно, как и вспыхивает, и в 1906 год Россия, по мнению современников, входит уже в ином, старом-новом политическом качестве – страна вновь возвращается к «смуте». И хотя революционная угроза продолжает сохраняться, власть и консервативные общественные силы усматривают ее в различных областях общественно-политической жизни: если в верхах опасаются нового витка крестьянских волнений, то на консервативном фланге остерегаются роста политической напряженности, вызванной стихийным становлением парламентского проекта, в котором власть видела главное лекарство от революции.

Примечания

- ¹ См.: *Шелохаев В.В.* Состояние современного историографического поля российского либерализма и консерватизма // Шелохаев В.В. На разные темы. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 411–412.
- ² См.: *Соловьев К.А.* Высшая бюрократия и общественное мнение в первую русскую революцию // Революционаризм в России: символы и цвета революции:

- 100-летию первой русской революции посвящается: Сб. ст. / Отв. ред. А.П. Логунов. М., 2005. С. 62–74; *Он же*. Революция обуславливается «слабостью защиты, а не силой нападения» // *Российская история*. 2016. № 4. С. 73–78; *Гро-сул В.Я.* Когда началась революция 1905 года? // Там же. С. 78–81.
- ³ ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 85. Л. 1: Записка С. Шарапова о мерах борьбы с нарастанием революционного движения народных масс. 1904.
- ⁴ *Богданович А.В.* Три самодержца: Дневники генералыши Богданович. М.: Вече, 2008. С. 256.
- ⁵ *Дневник Л.А. Тихомирова: 1905–1907 гг.* / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 37.
- ⁶ Там же. С. 42, 44.
- ⁷ Там же. С. 67, 72, 100.
- ⁸ См.: *Киреев А.А.* Дневник: 1905–1910 / Сост. К.А. Соловьев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 22.
- ⁹ Проект манифеста о событиях 9 января // *Красный архив*. 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 31.
- ¹⁰ Там же. С. 38.
- ¹¹ Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э.Ю. Нольде (подгот. Р.Ш. Ганелин) // *Археографический ежегодник за 1989 год*. М.: Наука, 1990. С. 292.
- ¹² Там же. С. 296.
- ¹³ Там же. С. 300.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
- ¹⁵ *Собрание статей Владимира Андреевича Грингмута: Политические статьи*. Вып. 3–4. М.: Русская печатня, 1910. С. 150.
- ¹⁶ Там же. С. 151.
- ¹⁷ Там же. С. 166.
- ¹⁸ См.: *Петергофские совещания о проекте Государственной Думы: Какую Думу хотели дать народу Николай II и его министры*. Пг.: Государственная типография, 1917. С. 101; ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 645. Л. 1а–2: Всеподданнейшая записка Д.Ф. Трепова о необходимости создания твердо-сплоченной консервативной партии порядка (24 сентября 1905 г.).
- ¹⁹ См.: *Революция 1905 года и самодержавие* / Подгот. к печати В.П. Семенников, предисл. А.М. Панкратовой, примеч. М.И. Ахун, В.А. Петрова. М.; Л.: Гос. изд-во РСФСР, 1928. С. 99.
- ²⁰ РГИА. Ф. 727. Оп. 1. Д. 193. Л. 3.
- ²¹ Там же. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 396. Л. 1 об.
- ²² Там же. Ф. 922. Оп. 1. Д. 334. Л. 1 об.
- ²³ Там же. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.
- ²⁴ *Дневник Л.А. Тихомирова: 1905–1907 гг.* С. 99.
- ²⁵ *Собрание статей Владимира Андреевича Грингмута: Политические статьи*: Вып. 3–4. С. 240.

- ²⁶ См.: *Грингмут В.А.* Объединяйтесь, люди русские! / Сост. А.Д. Степанов / Отв. ред. О. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 309.
- ²⁷ См.: *Собрание статей Владимира Андреевича Грингмута: Политические статьи.* Вып. 3–4. С. 289.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 576. Л. 88.
- ²⁹ Там же. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 165. Л. 1.
- ³⁰ *Киреев А.А.* Указ. соч. С. 102.
- ³¹ Там же. С. 96.
- ³² Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. / Под ред. Л.М. Иванова, А.М. Панкратовой, С.Н. Валка, Н.А. Мальцевой, И.С. Смолина. Ч. 1. М.; Л.: Наука, 1955. С. 213.
- ³³ В частности Д.Ф. Трепов в те дни именует ситуацию в Москве «беспорядками» (Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. Ч. 1. С. 429), а принимавшие крайне ожесточенный характер крестьянские волнения в Прибалтике – «значительными беспорядками» (Там же. Ч. 2. С. 243).
- ³⁴ *Половцов А.А.* Дневник: 1893–1909 / Сост., коммент., вступ. ст. О.Ю. Голечковой. СПб.: АНО «Женский проект»: Алетей, 2014. С. 471.
- ³⁵ Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: Сб. документов / Авт.-сост.: А.В. Гоголевский (вступ. ст., коммент.), Б.Н. Ковалев (коммент., библиография). М.: Гардарики, 2001. С. 60.
- ³⁶ На необходимости «уничтожить революцию в Сибирских центрах» Витте настаивает 26 ноября 1905 г. в телеграмме генералу Н.Н. Сухотину (Революция 1905 года и самодержавие. С. 36), а Красноярск председатель Совета министров и вовсе считал «центром революции» (Там же. С. 213).
- ³⁷ См.: *Русский конституционализм...* С. 49.
- ³⁸ Там же. С. 58.
- ³⁹ Там же. С. 61–62.
- ⁴⁰ Революция 1905 года: Материалы и официальные документы / Под общ. ред. и с предисл. В.И. Невского. М.: Пролетарий, 1925. С. 332.
- ⁴¹ См.: *Собрание статей Владимира Андреевича Грингмута: Политические статьи.* Вып. 3–4. С. 301–304.
- ⁴² В дневнике Тихомирова читаем запись от 17 ноября 1905 г.: «Пожалуй, Учредительное собрание могло бы быть полезным. Но и его не соберешь в такой смуте» (Дневник Л.А. Тихомирова: 1905–1907 гг. С. 157).
- ⁴³ «Вообще можно сказать, что революционеры на время везде сломлены. Вероятно, на днях общие забастовки везде кончатся», – докладывал 23 декабря 1905 г. Витте Николаю II (Высший подъем революции 1905–1907 гг.: Вооруженные восстания: Ноябрь–декабрь 1905 г. / Под ред. А.Л. Сидорова, Г.М. Деренковского, Г.Д. Костомарова, Г.Н. Кузюкова, А.М. Панкратовой. Ч. 1. М., 1955. С. 162).
- ⁴⁴ См.: Революция 1905 года и самодержавие. С. 61.

- ⁴⁵ См.: Второй период революции: 1906–1907 гг. / Под ред. Г.М. Деренковского, Г.Ф. Богданова, А.В. Пяковского, К.Ф. Сидорова, М.С. Симоновой. Ч. 1: Январь–апрель 1906 г. Кн. 1. М., 1957. С. 77.
- ⁴⁶ Там же. С. 141.
- ⁴⁷ Там же. С. 77.
- ⁴⁸ Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. Отд. 1: Политические статьи. М.: Русская печатня, 1910. С. 37.
- ⁴⁹ Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. С. 213.
- ⁵⁰ См.: *Киреев А.А.* Указ. соч. С. 120.